

КАБИНИНА Надежда Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). Автор 44 научных публикаций*

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К РУССКИМ ГЕОГРАФИЧЕСКИМ ТЕРМИНАМ ТУНДРА И РАДА¹

В статье дается этимологический комментарий к географическим терминам *тундра* и *рада*, характеризующим северный русский ландшафт. Первое из этих слов ныне принадлежит литературному языку, второе является диалектизмом, известным только в говорах Поморья. В первой части статьи, посвященной лексеме *тундра*, автор вносит ряд уточнений и пояснений в этимологию, разработанную ранее Я. Калимой, М. Фасмером и Е.А. Аникиным. Главное уточнение состоит в том, что для русского слова *тундра* приоритетным источником заимствования следует считать не прибалтийско-финские языки, а восточные диалекты саамского языка. По предположению автора, путь семантического развития слова *тундра* – от исходного значения ‘гора’ в Поморье до значений ‘низина’, ‘равнина’ в Сибири – может служить своего рода моделью при этимологическом анализе некоторых других севернорусских ландшафтных терминов. Эта возможность иллюстрируется во второй части статьи, посвященной географическому термину *рада*: он, как и термин *тундра*, имеет спектр значений от ‘возвышенность’ до ‘низкое место’. В работе показано, что все этимологии, предлагавшиеся ранее для слова *рада*, неубедительны. Как предполагает автор, этимологом этого слова являлась диалектная восточносаамская лексема с основой **rat(t)*-, закономерно соответствующей основе *raxt-* в кильдинском диалекте и диалекте Патсьйоки, где *raxt-* имеет значение ‘земля/местность с безлесными горами’. Поскольку эта синкретичная саамская основа одновременно содержит семы «низ» и «верх», при семантической адаптации слова в русском языке могли возникнуть как значение ‘возвышенность’, так и значение ‘низкое место’. В целом данная гипотеза хорошо поддерживается включенной в статью лингвогеографической картой, которая иллюстрирует смежность и частичное пересечение ареалов русского *рада* и саамского *raxt-*.

Ключевые слова: Север России, Архангельская область, севернорусские говоры, географическая терминология, финно-угорский субстрат, этимология.

¹Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект № 17-18-01351).

*Адрес: 620142, г. Екатеринбург, ул. Большакова, д. 71; e-mail: nadia.nvlad2010@yandex.ru

Для цитирования: Кабинина Н.В. Этимологический комментарий к русским географическим терминам *тундра* и *рада* // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 1. С. 47–54. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.47

В настоящей статье предлагается этимологический комментарий к географическим терминам *тундра* и *рада*, характеризующим северный русский ландшафт. Первое из этих слов, будучи когда-то локальным диалектизмом, вошло в литературный язык; другое, известное только в говорах Поморья, сохранило диалектный статус. В этимологическом отношении оба слова долгое время оставались неясными. Сколь-либо обоснованные этимологии для них появились лишь около двух десятилетий назад², однако в обоих случаях требуют разного рода комментариев: от частных дополнений и пояснений (*тундра*) до критики старых и выдвижения новых этимологических версий (*рада*).

Тундра. В случае с этой лексемой этимологические трудности определяются двумя обстоятельствами. Во-первых, слово известно далеко за пределами русских языковых границ – фактически во всей Северной Евразии, что, конечно, очень осложняет поиск языка-источника³. Во-вторых, по крайней мере в пределах России, семантика термина, проявляя загадочную парадоксальность, включает противоположные значения: от поморского ‘гора’⁴ до сибирского ‘равнинная, болотистая мшистая плоскость’⁵.

Однако, думается, вопрос о происхождении термина все же успешно решен. Первый шаг к этому сделал Я. Калима, по версии которого русское *тундра* восходит к прибалтийско-фин. *tunturi* ‘безлесная гора’⁶. М. Фасмер добавил в качестве возможного источника саамские данные, приведя саам.-кольск. *tundar* ‘гора’ и саам.-норв. *duoddar*

‘широкая гора без леса’⁷. Но, к сожалению, указанные сопоставления совершенно лишены каких-либо семантических пояснений, в т. ч. и того, почему на разных северных территориях слово фиксируется в противоположных значениях.

Этот недостаток восполнил А.Е. Аникин. Поддерживая этимологию Я. Калимы и М. Фасмера, он обращает внимание на то, что в течение последних столетий (документально – с XVII века) русские использовали слово *тундра* в том же значении, в каком оно известно у саамов, т. е. в значении ‘гора’⁸. Семантический путь слова – от поморского ‘гора’ до сибирского ‘плоскость, равнина’ – А.Е. Аникин объясняет тем, что рус. *тундра* изначально относилось к горной тундре, а затем было использовано для обозначения безлесного пространства Севера вообще.

Мы разделяем эту точку зрения, но для полного завершения этимологии считаем нужным акцентировать некоторые детали.

Во-первых, при указании на язык-источник приоритетными следует считать не прибалтийско-финские, а саамские данные, поскольку фин. *tunturi* заимствовано из саамского языка⁹ (фин. *tanner*, являющееся соответствием саамского *tundar*, не может включаться в круг возможных этимонов русского *тундра* по фонетическим причинам). При этом очевидно, что для этимологии рус. *тундра* релевантны не западносаамские формы типа саам.-норв. *duoddar*, а либо восточносаамские – типа кольск. (кильд.) *tūndar*, либо реконструируемая Й. Лехтиранта¹⁰ прасаамская форма **iōnter*¹¹. Во-вторых, поскольку

²Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Новосибирск, 1997. С. 590–591. Также см.: [1].

³Ср., например: норв., швед., дат., фин. *tundra*, манс. *tunra*, якут. *tūndara* и т. п.

⁴Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 565; Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов: слов. Мурманск, 1979. С. 163.

⁵Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб.; М., 1909. Т. 4. С. 437.

⁶Kalima J. Die ostee finnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919. S. 227.

⁷Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 4. С. 120–121.

⁸Аникин А.Е. Указ. соч. С. 590–591.

⁹Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja / toim. U.-M. Kulonen. Helsinki, 2000. O. 3. S. 327.

¹⁰Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 1989. S. 138–139.

¹¹О возможности отражения долгого саамского *ō* в виде русского *у* см.: [2, с. 47].

в этимологическом словаре автору приходится быть предельно лаконичным, хотелось бы чуть подробнее пояснить мысль А.Е. Аникина о распространении слова из горной тундры на восток.

Несмотря на стереотипный для русского человека образ тундры как бескрайней равнины, европейская часть тундровой зоны России в действительности имеет гористый рельеф. Здесь, конечно, есть равнины, однако они чередуются с холмами, горами и даже скалами высотой в сотни метров. Исторически этот рельеф сложился в результате движения гигантского ледника, который около 10 тыс. лет назад продвинулся сюда из Скандинавии. За счет колоссального давления ледник углубил здесь низины, сгладил вершины гор, образовал множество моренных гряд, вывернул из глубин земли скальные породы. Поскольку ледник двигался из Скандинавии на юго-восток, следы его деятельности наиболее ярко выражены на Кольском полуострове, на севере Финляндии и Карелии и в северо-западной части Архангельской области [3].

На этой весьма обширной территории жили и живут разные народы, однако исторически она объединена саамским присутствием, что хорошо показано в исследованиях А.К. Матвеева [4–6], Д.В. Кузьмина [7], А.Л. Шилова [8] и др. Это еще раз указывает на приоритетность саамского, а не финского источника заимствования.

На более восточных территориях, где ледник постепенно утрачивал свою силу, ландшафт становится более плоским. Таким образом, распространяясь в сложной зоне движения древнего ледника, слово *тундра* приспособлялось к «географической непрерывности» ландшафта, в результате чего его семантика прошла путь от ‘гора’ до ‘равнина’.

Тем самым можно считать, что слово *тундра* этимологически разгадано. Однако в русских диалектах Европейского Севера присутствует

множество ландшафтных терминов, которые формировались и бытовали в том же самом постледниковом географическом пространстве, а затем с Русского Севера попадали на более восточные территории. Поэтому из семантической истории слова *тундра* возможно извлечь некоторые лингвистические уроки. Как можно предполагать, эта история может служить своего рода макромоделью при этимологическом анализе некоторых других северных географических терминов, проявляющих – хотя уже на уровне микроландшафта – семантические колебания «по вертикали». Говоря конкретнее, с учетом опыта *тундры* этимоны субстратных слов, имеющих «вертикальные» сдвиги семантики, можно и нужно искать в кругу лексем с исходным значением ‘возвышенность’. В этом отношении, как нам представляется, в числе первых должен быть рассмотрен севернорусский географический термин *рада*.

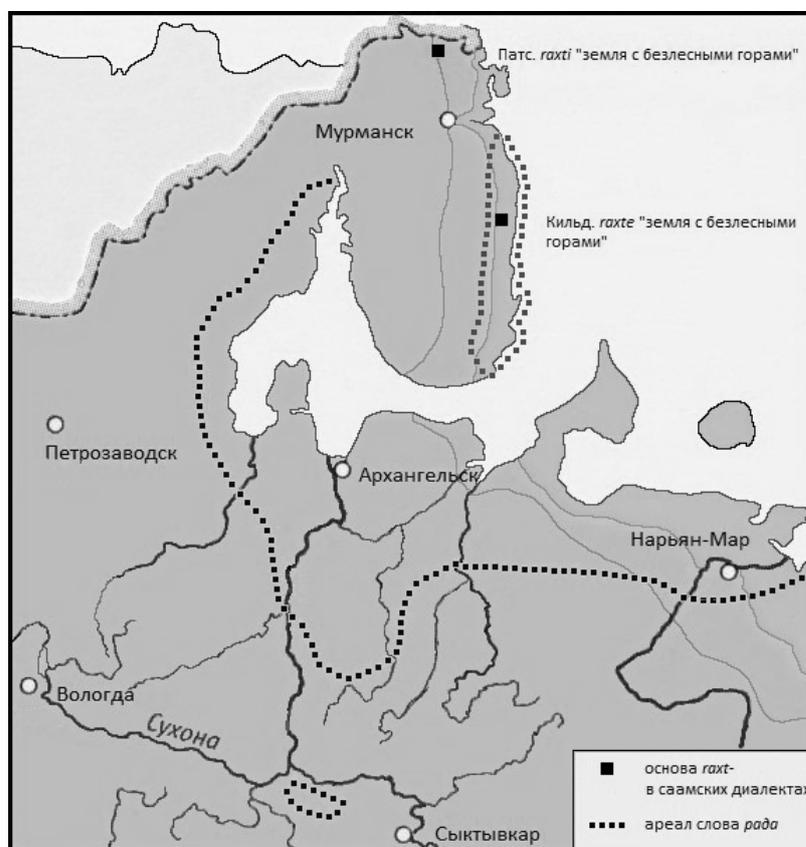
Ráda. Русский диалектизм *рада* засвидетельствован в говорах северной части Архангельской области, а также в говорах Беломорской Карелии и Кольского полуострова (см. рисунок на с. 50). С физико-географической точки зрения это территория, включающая зоны тундры, лесотундры и северной тайги.

Как и термин *тундра*, слово *рада* проявляет семантические колебания «по вертикали»: от ‘возвышенность’ до ‘низкое место’; факультативно у слова фиксируются семы «сырой»/«сухой», «поросший кустарником, мхом и т. п.»¹².

Лексема имеет длительную историю этимологического изучения, которая детально прослежена О.А. Теуш [1]. С благодарностью данному автору и с опорой на ее труд позволим себе привести краткий очерк этой истории.

Впервые на севернорусский диалектизм *рада* обратил внимание Я. Калима. Он не предложил для слова никакой этимологии, но отметил,

¹²См.: Меркурьев И.С. Указ. соч. С. 130; Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб., 1999. Т. 33. С. 245; Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 2002. Т. 5. С. 389–390; Картотека словаря говоров Русского Севера (КСГРС) – хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета.

Ареал слова *rada* на территории Европейского Севера

что в силу фонетических и иных причин оно не должно смешиваться с близким в звуковом отношении олон. *ryädega* 'небольшой частью еловый лес' < карел. *reädä*, фин. *räätä* 'смешанный лес из ели и сосны'¹³. М. Фасмер – вслед за Я. Калимой – квалифицировал слово как этимологически неясное¹⁴. В последующее время исследователи пытались связать диалектизм *rada* с фин. *raita*, карел. *raid* 'выгон, пастбище' [9, с. 89], а также с фин. *raate* 'вахта трехлистная, трифоль' [10, с. 82–83].

Как хорошо показано О.А. Теуш, обе эти этимологии неубедительны с семантической стороны, а первая из них – и с точки зрения фонетики. Поэтому О.А. Теуш предлагает соб-

ственную версию, согласно которой севернорус. *rada* является субстратным соответствием приоб.-фин. *redu* 'грязь', 'слякоть', 'ил' – с учетом соответствия приоб.-фин. *e* ~ субстр. *a* и с учетом того, что возможен семантический переход 'грязь' → 'низкое, сырое, заболоченное место, поросшее лесом, кустарником'.

К сожалению, эта этимология также вызывает серьезные возражения.

Во-первых, фонетическое соответствие приоб.-фин. *e* ~ субстр. *a*, действительно отмеченное на Русском Севере в нескольких лексических и топонимических примерах, доказательно констатируется только при наличии парных основ с *e* и *a* (как, например, в парах

¹³Kalima J. Op. cit. S. 209.

¹⁴Фасмер М. Указ. соч. Т. 3. С. 429.

вегм- ~ вагм-, педр- ~ падр-, пелд- ~ палд-)¹⁵. Иначе говоря, если бы в случае с *рада* имело место это соответствие, должен был бы фиксироваться близкий по семантике термин *реда. Но такой термин неизвестен.

Во-вторых, О.А. Теуш, на наш взгляд, неверно выделяет ту часть спектра значений, на которой строится семантическое обоснование этимологии. Она исходит из примарности значения 'болото', рассматривая ландшафтный термин-этимон как результат семантического перехода 'грязь' → 'низкое, сырое, заболоченное место, поросшее лесом, кустарником'. При этом О.А. Теуш недостаточно учитывает как своеобразие ареала слова *рада*, так и полевые материалы КСГРС, в которых для более чем 700 фиксаций слова приводятся местные значения и контексты, записанные у диалектоносителей.

Между тем эти материалы свидетельствуют о том, что на большей части ареала значение 'болото' не является для слова *рада* примарным. Гораздо чаще лексема фиксируется либо в значении 'возвышенность на болоте', 'сухое место на болоте', либо в значении 'край болота (предболотье, субболотье)'. Особенно устойчивы эти значения в самой северной части ареала, которая непосредственно примыкает к морским побережьям. Здесь практически все информанты хорошо отличают *раду* от *болота*, дают обстоятельные объяснения слова, охотно рассказывают, что на *раде* они «берут морошку», по *раде* «проезжают на конях»; здесь в *радах* не тонут ни люди, ни скот; экспрессивные оценки *рады* единичны. В русских говорах Кольского полуострова значение 'возвышенность на болоте' вообще является единственным¹⁶.

Иная картина наблюдается в зоне, где ареал слова, удаляясь от морского побережья, как бы «провисает» в южном направлении, захватывая Шенкурский район и часть Холмогорского и Виноградовского районов. В этой зоне многие информанты не различают *раду* и *болото*; *рада*

здесь не только возвышенность, но и непроходимое место, трясына, топь; *рада* нередко получает индивидуальные толкования ('просека', 'тропа' и т. п.) и экспрессивные оценки: «худое место», «нехорошее место», «паршивое место». Кроме того, информанты указывают на маргинальность слова: «У нас здесь *биль* зовут на Шенге, а на Поче *рада*. *Биль* и *рада* одно – болото» (Шенк.); «Шеньжена [жители деревни Шеньга] раду *кондрюх* зовут» (Холм.); «У нас все больше *болото*, а *рада*-то редко скажут» (Вин.).

В общем, очевидно, что в этой зоне исходная семантика географического термина *рада* теряет устойчивость, рассыпается, гложет. И совсем уж «обломком» выглядит изолированный микроареал слова на нижней Вычегде (Вилегодский, Котласский): он представлен очень небольшим числом фиксаций (менее 5 % от общего числа) и в семантическом плане повторяет черты шенкурской зоны.

По этой семантической картине понятно, что слово распространялось не из низовий Вычегды к Кольскому полуострову, а наоборот: оно было заимствовано на севере, а затем по Двине продвигалось к югу. По сути, *рада* – **поморское** слово, и именно в Поморье, на побережьях Белого и Баренцева морей, оно может являться старым заимствованием субстратного или адстратного типа. Столь же очевидно, что поиск прибалтийско-финского источника для данного ареала в высокой степени проблематичен. Ареал, скорее, свидетельствует о том, что истоки слова *рада* нужно искать в саамских диалектах.

На наш взгляд, с учетом семантической истории термина *тундра* к этимологизации слова *рада* прежде всего должны быть привлечены саамские лексемы *raxti* (диалект Патсйоки) и *rahte*¹ (кильдинский диалект). Эти слова записаны Т.И. Итконеном и толкуются в его словаре через фин. *tunturi/maa* – букв. «земля, местность с безлесными горами»¹⁷. Указанные лексемы не имеют никаких соответствий в других

¹⁵Об этом соответствии см.: [5, с. 205–209].

¹⁶Меркурьев И.С. Указ. соч. С. 130.

¹⁷Itkonen T.I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Helsinki, 1958. О. II. S. 416.

финно-угорских языках – вероятно, перед нами очень старое собственно саамское слово, дошедшее до нас в осколочном виде. Но все же очень важно, что это не гапак и что его ареал пересекается с ареалом русского *рада* и тесно примыкает к нему.

Как видно по значению, саамская основа *раχt-* синкретична – она одновременно содержит семы «низ» и «верх», поэтому при семантической адаптации слова в русском языке могли возникнуть как значение ‘возвышенность’, так и значение ‘низкое место’, а субарктический климат внес в семантику другие детали: влажность почвы, скудость растительности и т. д.

Теперь обратимся к фонетике. Разумеется, возвести севернорусское *рада* прямо к диалектным саамским формам *раχti*, *раχteⁱ* фонетически невозможно – при русском усвоении они дали бы *раχm(a)*. Однако эти слова могут рассматриваться как «ключ» к этимологии – и если принять во внимание внутрисаамские звуковые соответствия, то фонетическая проблема разрешается достаточно просто.

Дело в том, что, согласно имеющимся реконструкциям, в прасаамском языке не было звука *χ*, т. е. и сочетание **χt* было невозможно. Оно появляется уже в диалектную саамскую эпоху как результат переработки других прасаамских консонантных групп, в частности группы **tt*. По отношению к этой группе восточносаамские говоры шли разными путями: диалекты инари и колтта обычно сохраняли ее, а кильдинские и терские говоры либо сохраняли, либо упрощали до одного звука *t*, либо диссимилировали данную группу, в результате чего **tt* переходило в *χt*. Ср., например: прасаам. **ājttē* ‘амбар’ ~ ин. *ājtti*, колт. *ājti^t*, кильд.

a’jt, тер. *Ajte*¹⁸ – в кильдинском также *aiχm*¹⁹; прасаам. **šētte* ‘помещаться’ ~ ин. *šiettad*, колт. *šičttād*, кильд. *šitted*, тер. *Šičtad*²⁰; и т. п.

Поэтому диалектизм *раχti*, *раχteⁱ*, засвидетельствованным в словаре Т.И. Итконена, в прасаамском языке могло соответствовать **ratt-*, а в других диалектах (инари, колтта и др.) – **ratt-* или **rat-*. Если в саамских говорах Кольского полуострова и Русского Севера такая основа действительно была, то при русском усвоении она закономерно должна была принять форму *рад(a)* как в силу вокально-сонорного окружения звука *t*, так и в силу притяжения исконно русского корня *рад-*. Кроме того, в некоторых зонах ареала саамское слово могло семантически сблизиться с прибалтийско-финскими лексемами типа карел. *rätii*, *reädä* ‘молодой густой ельник’.

Если предлагаемая нами этимология верна, то русские лексемы *тундра* и *рада* не только имеют общий источник (саамские диалекты Кольского полуострова), но и демонстрируют общий путь семантического развития и схожий спектр «местных» вторичных значений.

Тундра. ‘Безлесная гора’ → ‘безлесная равнина’ → ‘заболоченная низина’, ‘болото’ (→ ‘торф’, ‘болотный мох’²¹).

Рада. ‘Земля с безлесными горами’ → ‘безлесная возвышенность’ / ‘низина’, ‘болото’ (→ ‘болотный мох’²²).

Подобная картина семантического развития отмечена и для ряда других севернорусских лексем [11, с. 94]. Это возвращает нас к мысли о том, что этимоны севернорусских ландшафтных терминов, имеющих подобную семантику, следует искать в кругу слов со значением ‘возвышенность’.

¹⁸Lehtiranta J. Op. cit. S. 12–13.

¹⁹Географический словарь Кольского полуострова. URL: <http://lapland-nature.info/ru/48.html> (дата обращения: 01.10.2018).

²⁰Lehtiranta J. Op. cit. S. 30–31.

²¹Об этих значениях см.: Мурзаев Э.М. Указ. соч. С. 565.

²²КСГРС.

Список литературы

1. Теуш О.А. К этимологии рус. диал. *рада* // Этимология, 2000–2002 / отв. ред. Ж.Ж. Варбот. М.: Наука, 2003. С. 135–143.
2. Семенова Л.Р. Ледниковая геология Кольского полуострова: поздний неоплейстоцен: автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. СПб., 2004. URL: www.dissercat.com (дата обращения: 01.10.2018).
3. Кабинина Н.В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 341 с.
4. Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. Ч. 1. 344 с.
5. Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Ч. 2. 369 с.
6. Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. Ч. 3. 300 с.
7. Кузьмин Д.В. Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003. 212 с.
8. Шилов А.Л. О саамской топонимии севера Карелии // Вопр. ономастики. 2008. № 5. С. 49–64.
9. Ивашко Л.А. Заимствованные слова в печорских говорах // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1958. Вып. 42, № 243. С. 84–103.
10. Михайлова Л.П. Географическая лексика в русских говорах Карелии (названия болот) // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986. С. 76–88.
11. Овечкина М.А. Семантическое освоение заимствованных тельмографических терминов // Этимологические исследования: сб. науч. тр. Свердловск, 1988. Вып. 4. С. 88–104.

References

1. Teush O.A. K etimologii ruskogo dialektного *rada* [On the Etymology of the Russian Dialect Word *Rada*]. Varbot Zh.Zh. (ed.). *Etimologiya, 2000–2002* [Etymology, 2000–2002]. Moscow, 2003, pp. 135–143.
2. Semenova L.R. *Lednikovaya geologiya Kol'skogo poluostrova: pozdnyy neopleystotsen* [Glacial Geology of the Kola Peninsula: Late Neopleistocene: Diss. Abs.]. St. Petersburg, 2004. Available at: www.dissercat.com (accessed: 1 October 2018).
3. Kabinina N.V. *Substratnaya toponimiya Arkhangel'skogo Pomor'ya* [Substrate Toponymy of the Arkhangelsk Pomorye]. Yekaterinburg, 2011. 341 p.
4. Matveev A.K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North]. Yekaterinburg, 2001. Pt. 1. 344 p.
5. Matveev A.K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North]. Yekaterinburg, 2004. Pt. 2. 369 p.
6. Matveev A.K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North]. Yekaterinburg, 2007. Pt. 3. 300 p.
7. Kuz'min D.V. *Areal'naya distributsiya toponimnykh modeley Belomorskoy Karelii* [Areal Distribution of Toponymic Models of Karelia by the White Sea: Diss.]. Petrozavodsk, 2003. 212 p.
8. Shilov A.L. O saamskoy toponimii severa Karelii [On the Saami Toponymy in the North of Karelia]. *Voprosy onomastiki*, 2008, no. 5, pp. 49–64.
9. Ivashko L.A. Zaimstvovannye slova v pechorskikh govorakh [Loanwords in Pechora Dialects]. *Uchenye zapiski LGU. Ser. filologicheskikh nauk*, 1958, iss. 42, no. 243, pp. 84–103.
10. Mikhaylova L.P. Geograficheskaya leksika v russkikh govorakh Karelii (nazvaniya bolot) [Geographical Vocabulary in the Russian Dialects of Karelia (Names of Marshes)]. *Severnorrusskie govory v inoyazychnom okruzhenii* [Northern Russian Dialects in a Foreign Language Environment]. Syktyvkar, 1986, pp. 76–88.
11. Ovechkina M.A. Semanticheskoe osvoenie zaimstvovannykh tel'mograficheskikh terminov [Semantic Development of Borrowed Telmographic Terms]. *Etimologicheskie issledovaniya* [Etymological Research]. Sverdlovsk, 1988. Iss. 4, pp. 88–104.

ETYMOLOGICAL COMMENTARY ON THE RUSSIAN GEOGRAPHICAL TERMS *TUNDRA AND RADA*

This article provides an etymological commentary on the geographical terms *tundra* and *rada* which characterize Northern Russian terrain. *Tundra* now belongs to the standard language whilst *rada* is a dialectal word only known in Pomor dialects. The first part of this article is devoted to the word *tundra*, providing a number of clarifications and commentaries on its etymology developed earlier by J. Kalima, M. Vasmer and E.A. Anikin. The principal clarification is that the main source of borrowing for the Russian word *tundra* is not Finnic languages, but rather Eastern dialects of Sami languages. According to the author of this article, the way of semantic development of *tundra* (from its primary meaning 'mountain' in Pomorye to 'lowland', 'plain' in Siberia) can serve as a model for etymological analysis of some other Northern Russian landscape terms. This possibility is illustrated in the second part of this article, which is devoted to the geographical term *rada*. This term, as well as *tundra*, has a range of meanings from 'highland' to 'lowland'. The paper shows that all previously proposed etymologies for the word *rada* proved to be inconclusive. The author suggests that the Eastern Sami dialectal lexeme with the stem **rat(t)-* can be the etymon for this word. This stem corresponds to the stem *raχt-* in Kildin Sami and Paatsjoki dialect, where *raχt-* has the meaning 'land/territory with treeless mountains'. Since this syncretic Sami stem has at the same time the semes 'up' and 'down', both meanings 'highland' and 'lowland' could have developed through the process of semantic adaptation of this word to the Russian language. This hypothesis is supported by the linguistic geographic map included in the article which illustrates adjacency and partial overlapping of the areas of the Russian *rada* and the Sami *raχt-*.

Keywords: *North of Russia, Arkhangelsk Region, Northern Russian dialects, geographical terms, Finno-Ugric substrate, etymology.*

Поступила: 04.10.2018

Принята: 01.11.2018

Received: 4 October 2018

Accepted: 1 November 2018

For citation: Kabinina N.V. Etymological Commentary on the Russian Geographical Terms *Tundra* and *Rada*. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 1, pp. 47–54. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.47